

СЛОВОМ РАЗДВИГАТЬ ГРАНИЦЫ

*Российские и азербайджанские мотивы
в русскоязычной лирике
югорского поэта Князя Гочага*

В 2014 году в силу обстоятельств я не смог полететь на вручение международной литературной премии «Югра» в Ханты-Мансийск. Спустя какое-то время мне позвонил незнакомец с кавказским акцентом. Сказал, что его литературный псевдоним Князь Гочаг (по паспорту Гурбанов Князь Гочаг оглы), и что он и его друг, известный азербайджанский писатель Мамед Орудж (тоже лауреат этой премии), сожалеют, что не познакомились со мной в гостеприимном сибирском Приобье, и что они рады будут перевести некоторые мои стихотворения и напечатать их в литературном журнале «Азербайджан».

Имя лауреата Оруджа до этого звонка мне уже встречалось: московский коллега-поэт прислал ссылку на одну из столичных газет, где рассказывалось о состоявшемся вручении премии «Югра». Мне тогда понравился комментарий азербайджанского писателя: «Я горжусь тем, что Азербайджан — одна из немногих стран на постсоветском пространстве, где интерес к современной русской литературе очень велик. Отношение к жизни, к окружающим людям, природе, которое я нашел в произведе-

ниях русских поэтов, мне были настолько близки и понятны, что у меня возникло желание поделиться радостью, счастьем, умиротворенностью от прочитанных произведений со своими соотечественниками».

А вот с Князем Гочагом творческое содружество началось с того самого звонка. Он выписывает журнал «Подъём», пропагандирует его среди читателей библиотеки города Пыть-Ях, где проживает. На одну из моих книг — «Город на лучах зари. Стихи о Воронеже» — тепло и уважительно написал отзыв и, к моему удивлению, напечатал его в «Литературной газете».

В свою очередь, я давно просил Князя Гочага прислать в журнал свои стихи. Наконец, недавно он порадовал меня электронной копией своей книги. Издана она в Ижевске в книжной серии «Библиотека «Известия Удмуртской Республики». Творческим вдохновителем проекта является народный писатель Удмуртии Вячеслав Ар-Серги. В серии выходят книги не только местных авторов, но и писателей из других регионов. Сборник избранных стихотворений и рассказов Князя Гочага «Были в саду абрикосы...» носит, на мой взгляд, симптоматичное название. Писатель родился в солнечном Азербайджане, в селении Шахсеван. Поэтому в его стихах и рассказах часто встречаются абрикосы, гранат, другие южные фрукты. В семье воспитывалось двенадцать детей, Князь Гочаг — седьмой. В конце семидесятых годов прошлого века после службы в армии он устраивается рабочим в управление буровых работ в Нефтеюганском районе ханты-мансийского Приобья, затем переходит в геодезическую экспедицию, а впоследствии становится инженером в Управлении технологического транспорта. Без отрыва от производства заканчивает филфак Тюменского государственного университета. Увлекается журналистикой, пробует свои шаги в литературе. Вскоре его имя как вдумчивого поэта и литературоведа зазвучит в ставшем для него родным северном крае.

Сегодня Князь Гочаг — член Союзов писателей России и Азербайджана. Регулярно печатается в газетах «День литературы», «Литературная газета», «Литературная Россия», в книжном приложении «Независимой газеты», а также в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Литературная учеба», «Мир Севера», «Жизнь национальностей», альманахах «Академия поэзии», «Муза», «Истоки». Переводит стихи российских поэтов на азербайджанский язык. В Баку известен как поэт, глубоко приверженный мудрым и древним восточным традициям.

Князь Гочаг дружит со многими литераторами, ведет большую просветительскую и подвижническую деятельность. В предисловии к книге «Были в саду абрикосы...» Вячеслав Ар-Серги пишет, что Князь Гочаг «...щедро знакомит российских читателей с творчеством местных финно-угорских авторов». Среди них — хант Еремей Айпин, «один из ведущих современных прозаиков Обь-Иртышья», книги которого хорошо известны в странах Европы, а также манси Андрей Тарханов, «чье поэтическое творчество давно перешагнуло за российские пределы...» Давняя дружба связывала Князя Гочага и с классиком многонациональной российской литературы, мансийским поэтом Юваном Шесталовым.

В поэтическом творчестве сибиряка с кавказскими корнями органично уживается любовь к своей исторической родине и бескрайним просторам Западной Сибири. Вот как Князь Гочаг сам говорит об этом: «Если человек умеет отдавать свое тепло и сам его принимать, то ему и на Севере не холодно. Я сейчас и не представляю себя без милого моему сердцу Приобья, хотя в мыслях за день успеваю сотни раз “слетать” в свой родной Шахсеван. И потому, наверное, именно связующее назначение поэзии мне близко и понятно не только в теории...»

Еще ярче, тоньше, проникновеннее свое душевное состояние Князь Гочаг передает в стихах:

На родине больших стихов и служу
Мне подавай родимое село!
Там в ветках светит ярко и знакомо
Любой гранат, потресканный слегка.
Ну а когда гощу... я дома,
Мне подавай сибирские снега!

Автор сосуществует сразу в двух мирах этнокультуры, литературы, исторической памяти, обычаев, нравов, быта. Это обстоятельство делает его творчество более разнообразным, пространственным, наполняет строки особым содержательным смыслом и колоритом человека с горячим южным сердцем и просторной душой сибиряка. Поэт постоянно находится в состоянии сопоставления, соединения вновь обретенного и данного ему от рождения. Почти в каждом его стихотворении соседствуют, перекликаясь, образы Сибири, образы далекой горной родины, память о родных и близких. И не случайно однажды из-под его пера выпорхнули полные искренности и жизненной правоты строчки: «Свет Азербайджана породил я с Обью...»

Север и юг, снега и солнце у поэта всюду. Когда пишет о мохнатых, спокойных таежных собаках («Таежные собаки греют снег, / Нас не облают, знают: людям трудно...»), тут же в авторском воображении возникают черты их кавказских сородичей: «Чабанские с щенков не новички / В охранном деле, в каждом видят вора...». Когда восхищается летним травостоем в Приобье, с грустью вздыхает: «О, будь сегодня жив мой дорогой отец, / Чабан седой в Сибирь приехал бы в июле... / На здешний сенокос гляди, седой косец, / На травостой по грудь, что долы распахнули...». Когда осмысливает свой богатый жизненный путь, сердцем обязательно возвращается в родной горный край, чтобы свериться, как на это смотрит мама.

Ни от кого на Север не бежал,
Судьба к нему сама собой припала...
Не обижайся, мой Азербайджан,
Но мать-Россия Родиной мне стала!
И мама седовласая моя
В родном селеенье — что ничуть ни странно! —
За хлеб, за соль, вскормившие меня,
За мой удел России благодарна.

Вдохновляясь незримой поддержкой близких в своем жизненном и духовном выборе, автор в традициях восточного почитания благодарно склоняет голову перед подолом самых любимых, самых дорогих, кто олицетворяет собой жизнь и судьбу:

Сохраню перед миром достоинство, честь,
Одолею беду и душевную слякоть,
Потому что в минуты отчаянья есть
Три подола, в которые можно поплакать.
Это мамин подол:
Сына ты пожалей,
Залечи мои раны любовью безмерной!
Это Джаны подол луноликой моей
И подол моей Музы — подруги неверной...

Служение двум традициям, двум культурам, любовь к родным, исконным корням и почтение к обретенной родине — таков удел многих русскоязычных авторов, кто сегодня проживает в постсоветской России, активно занимается литературным творчеством. Мотив двуединства органичен для них и естествен. Это еще одно, правда, пока малоисследованное, явление в современной российской лите-

ратуре, которое характерно для отдельных регионов страны, где кучно проживают представители различных этносов, в том числе и выходцы из бывших советских республик, и формируют особенную творческую среду в нашей литературе. Лучше, тоньше их о таком духовном и культурном феномене единения никто не скажет и не напишет. Об этом нам надо сегодня помнить и извлекать обоюдную пользу. Княз Гочаг — один из них. Как никогда здесь будут уместны замечательные строки этого автора, которые он посвятил своему знаменитому соплеменнику, писателю и кинодраматургу, сценаристу легендарного фильма «Белое солнце пустыни» Рустаму Ибрагимбекову:

Ты словом своим раздвигаешь границы,
Связав воедино родины две...
С тобой москвичи —
Все немного бакинцы,
С тобою бакинцы
Чуть ближе к Москве.
А значит, сплоченней народы и страны...
Политики разве сумели бы так!..

Трудно не согласиться с выводом поэта в наше беспокойное время.

Иван ЩЁЛОКОВ

В РАЗЛУКЕ

А связь-то телефонная слепа.
Глаза в глаза глядеть бы нам вдвоем!
И ты уже на теплые слова
Скупее и скупее с каждым днем.

Назойливым кажусь я, может быть,
Внимание мое тебя гнетет.
И надо мне твой номер позабыть
На день, на два, на месяц и на год.

Глаза в глаза глядеть бы нам вдвоем,
Но ты на юге, я — на северах...
Так, может быть, в молчании моем
Услышишь сердцем больше, чем в словах?

ДВЕ СТИХИИ

Волна стремится к берегу всегда,
Но лишь она докатится до берега,
Сломается, ударившись с разбега,
Расплещется, ведь ей земля чужда.

Вот так и я: мог о тебе мечтать,
Спешить к тебе, чтоб, встретившись с тобою,
Понять, что мне не быть твоей судьбою,
Да и тебе судьбой моей не стать.

Я снова посетил
 Родимое село.
 Навстречу земляки —
 И старики, и дети.
 В ответ на мой «Салам»
 Приветствуют тепло,
 Но что ж не узнают,
 Хотя и солнце светит?
 Увы, не узнают!
 Прохожая нана
 Печаль моей души,
 Как мама, понимает
 И за плечо берет:
 «Сынок, твоя вина.
 Почаще приезжай —
 И всяк тебя узнает!»

ВСПОМИНАЯ ПРИТЧУ О БЛУДНОМ СЫНЕ

Несутся к берегу громады
 Веселых и могучих волн.
 Им океан вослед:
 — Не надо!
 Тревожится о детях он.

А молодость не знает страха,
 И, о родителях забыв,
 О камни волны бьют с размаха,
 Вставая гневно на дыбы.

Но бой недолог...
 Белой пеной
 Шурша, они стекают вниз
 И возвращаются смиренно
 К тому, кто подарил им жизнь.

Им океан не шлет проклятья,
 Разбившим головы у скал...
 Он принимает их в объятья,
 Как добрый, мудрый аксакал.

НАУКА ДОБРОТЫ

Горная безмолвна панорама,
 К ней бегут селения, сады.
 Не забуду детство свое, мама,
 И твою науку доброты.

Мне внушала: «Мир устроен сложно,
Горы в нем друг с другом говорят.
Камень бросишь здесь неосторожно —
Где-то отзовется камнепад.

Даже к скалам добрыми руками
Прикасайся, чтоб не оскорбить.
Если не бесчувственны и камни,
Что уж там о людях говорить?!

Отвечай за каждую минуту,
Потому что если второпях
Зло, сынок, ты сделаешь кому-то —
Отзовется боль в его друзьях.

В матери и брате отзовется,
И на свете зло умножишь ты,
А оно бедой к тебе вернется...
Полюби науку доброты!

Светлые поступки за собою
Оставляй на жизненной тропе,
Ведь добро, творимое тобою,
Эхом возвращается к тебе».

ПИСЬМО МАТЕРИ

Спрашиваешь, как мне здесь живется,
Не замерз ли и не исхудал?
Край-то этот Севером зовется,
Что ж тут удивляться холодам!

Если мама сына ожидает,
Если память южная жарка,
Как шиповник дикий обжигает
И бодрит колючая пурга.

Люди здесь заметны и не схожи,
Все мы здесь давно сибиряки.
Об одном молю тебя я, Боже,
От холодных душ убереги!

Этот край людей не любит праздных,
Сам работой греюсь и горю.
Не волнуйся, мама, понапрасну,
Не замерзну в северном краю.

ТАЕЖНЫЕ СОБАКИ

В тайге-то суетится на черта?
И отмечаю снова я и снова:
Таежные собаки — не чета
Чабанским из селения родного.

Чабанские с щенков не новички
В охранном деле, в каждом видят вора.
Готовы разорвать тебя в клочки,
Особенно когда их, злобных, свора.

Таежные собаки греют снег,
Нас не облают, знают: людям трудно.
Им интересен каждый человек,
Давно ль тайга была совсем безлюдна?

В поселке, полном елей вековых,
Зачем судьбу разменивать на части?
Лежат у деревянных мостовых
Мохнатые, спокойные собаки.